

АШ-ТИГОРЫ НА ПУТИ К ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ АЛАН
КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ В I ТЫС. Н.Э.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ КОРОБОВ*

Ключевые слова: аланы, Северный Кавказ, система расселения, раннее средневековье
Kulcsszavak: alánok, Észak-Kaukázus, településhálózat, kora középkor

Дмитрий Сергеевич Коробов

Аш-тигоры на пути к государственности – эволюция системы расселения северокавказских алан Кисловодской котловины в I тыс. н.э.

Исследование является по сути первой попыткой детально рассмотреть эволюцию системы расселения аланского населения Кисловодской котловины на протяжении I тыс. н.э. на основе использования методов пространственного ГИС-анализа и ландшафтной археологии (landscape archaeology). Проведенный анализ пространственного распространения поселений, связываемых с аланским населением Кисловодской котловины I тыс. н.э., и моделирование окружающих их ресурсных зон позволяет проследить переход от цепи пограничных укреплений, возникших во II–IV вв. н.э., к дисперсной системе расселения, характерной для V–VIII вв. В этот период Кисловодская котловина, скорее всего, представляла собой типичное для некоторых стран Северной Европы племенное «королевство», связываемое письменными источниками этого времени с аланским племенным образованием аш-тигоров. В последующую эпоху (X–XII вв.) происходит значительная концентрация населения в крупных поселенческих центрах, напоминающих средневековые города, что является отражением постепенного складывания государственного образования – средневековой Алании.

Dmitrij Szergejevics Korobov

Az as-tigorok az államiság felé vezető úton. A Kaukázus északi előterében, a Kiszlovodszk-medencében élő alánok településhálózatának fejlődése a Kr. u. I. évezredben

Ez a kutatás lényegében az első kísérlet arra, hogy áttekintést kapjunk a Kiszlovodszk-medencében élt alán népesség településhálózatának fejlődéséről a Kr. u. I. évezredben. A szerző ehhez alapvetően a térinformatika (GIS) és a tájrégészet módszerét alkalmazza. A Kiszlovodszk-medencében az I. évezredben élt alán népesség településhálózatának vizsgálatát célzó kutatás, illetve a térség természeti adottságainak modellezése lehetővé teszi a régészetileg dokumentálható események részletesebb leírását. Nyomon követhető az átmenet a 2–4. század között épített határ menti erődrendszer és az 5–8. századra jellemző széttagolt településhálózat között. Ebben az időszakban valószínűleg a Kiszlovodszk-medencében is az egyes észak-európai országokra jellemző törzsi 'királyság' működött. Ezt a politikai szerveződést a kortárs írott források az alán törzsek közé tartozó as-tigorokkal hozzák összefüggésbe. A következő időszakban (10–12. század) jelentős mértékben koncentrálódott a népesség a nagyobb településközpontokban, amelyek így a klasszikus középkori városokra emlékeztetnek. Ez pedig egyértelműen az Alánia néven ismert középkori állam folyamatos fejlődésére utal.

* Институт археологии РАН, 117036 г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, dkorobov@mail.ru

Предлагаемое на суд читателю исследование является по сути первой попыткой детально рассмотреть эволюцию системы расселения аланского населения Кисловодской котловины на протяжении I тыс. н.э. на основе использования методов пространственного ГИС-анализа и ландшафтной археологии (*landscape archaeology*) – мультидисциплинарного подхода, изучающего разные аспекты взаимодействия человека и среды его обитания.¹ В последнее время появилось немало работ в этом ключе, направленных на изучение системы расселения и хозяйствования средневекового населения в разных регионах России и Украины.²

Широкие инструментальные возможности в подобных исследованиях дают географо-информационные системы и данные дистанционного зондирования, а также методы пространственного ГИС-анализа.³ Первые шаги в адаптации подобных методов в отечественной археологии были предприняты Г. Е. Афанасьевым при изучении поселений алан в Кисловодской котловине.⁴ Настоящая работа по сути продолжает заложенные основы изучения особенностей системы расселения I тысячелетия н.э. в этом микрорегионе,⁵ толчком которому послужили методические приемы 1980–1990-х гг., разрабатывавшиеся Г. Е. Афанасьевым на материалах поселений лесостепного варианта салтовомаяцкой культуры.⁶

Кисловодская котловина не случайно стала полигоном для отработки подобных методов. Этот уникальный в природном отношении уголок Кавказских Минеральных Вод по праву считается наиболее изученным в археологическом отношении микрорегионом Северного Кавказа. Полевые

работы, ведущиеся более ста пятидесяти лет археологами и местными краеведами,⁷ привели к накоплению большого количества информации о памятниках Кисловодской котловины, которая была фактически удвоена в процессе работы над первой в России археолого-географической информационным системой (АГИС) «Кисловодск», выполнявшейся автором в стенах Института археологии РАН под руководством Г. Е. Афанасьева в 1996–2000 гг.⁸ На начало нашего тысячелетия в этой окруженной горами котловине на площади около 1150 кв. км стало известно более 900 археологических памятников разных эпох и культур (*рис. 1*). Первичный анализ их пространственного распределения дает общее представление об этапах заселения Кисловодской котловины от энеолита до современности.⁹

Значительная часть археологических памятников Кисловодской котловины (более трети), известных на сегодняшний день, относится к I тыс. н.э. и может быть связана с аланским населением Северного Кавказа, прежде всего, исходя из широкого распространения погребений в катакомбах Т-образного типа, являющихся, по мнению большинства исследователей, своеобразной «визитной карточкой» аланской культуры на протяжении тысячи лет – с первых веков н.э. до эпохи монгольских завоеваний.¹⁰ В последнее время это представление получает подтверждение в новейших антропологических исследованиях, в том числе в ходе изучения древнего ДНК.¹¹ Таким образом, Кисловодская котловина, как никакой другой северокавказский регион, дает прекрасные возможности для изучения системы расселения алан в Центральном Предкавказье в I тыс. н.э.

¹ ASTON 1985; ONE LAND 2001; STEUER 2001; DAVID–THOMAS 2008.

² МАКАРОВ–ЗАХАРОВ–БУЖИЛОВА 2001; МАКАРОВ–ФЕДОРИНА–ШПОЛЯНСКИЙ 2013; АЛЕШИНСКАЯ и др. 2008; КРЕНКЕ 2011; АФАНАСЬЕВ–ДОБРОВОЛЬСКАЯ–БОРИСОВ 2012; КОЛОДА–ГОРЬБАНЕНКО 2010.

³ КОРОВОВ 2011.

⁴ АФАНАСЬЕВ–КИСЛОВ–ЧЕРНЫШЕВ 2002; АФАНАСЬЕВ–САВЕНКО–КОРОВОВ 2004, 50–88.

⁵ КОРОВОВ 2012; КОРОВОВ 2012; КОРОВОВ 2012а; КОРОВОВ 2013; КОРОВОВ 2017.

⁶ АФАНАСЬЕВ 1987; АФАНАСЬЕВ 1993.

⁷ АФАНАСЬЕВ–САВЕНКО–КОРОВОВ 2004, 9–49.

⁸ АФАНАСЬЕВ–САВЕНКО–КОРОВОВ 2004, 60–62.

⁹ АФАНАСЬЕВ–САВЕНКО–КОРОВОВ 2004; REINHOLD–КОРОВОВ 2007; КОРОВОВ 2013а.

¹⁰ КУЗНЕЦОВ 1962, 13–14; КУЗНЕЦОВ 1992, 37–42; АФАНАСЬЕВ 1992; КОВАЛЕВСКАЯ 2005, 151–152; МАЛАШЕВ 2008, 273–275; ГАБУЕВ–МАЛАШЕВ 2009, 146–149.

¹¹ АФАНАСЬЕВ и др. 2014; АФАНАСЬЕВ и др. 2015; БЕРЕЗИНА–ФРИЗЕН–КОРОВОВ 2014; DE BARROS DAMGAARD ET AL. 2018.

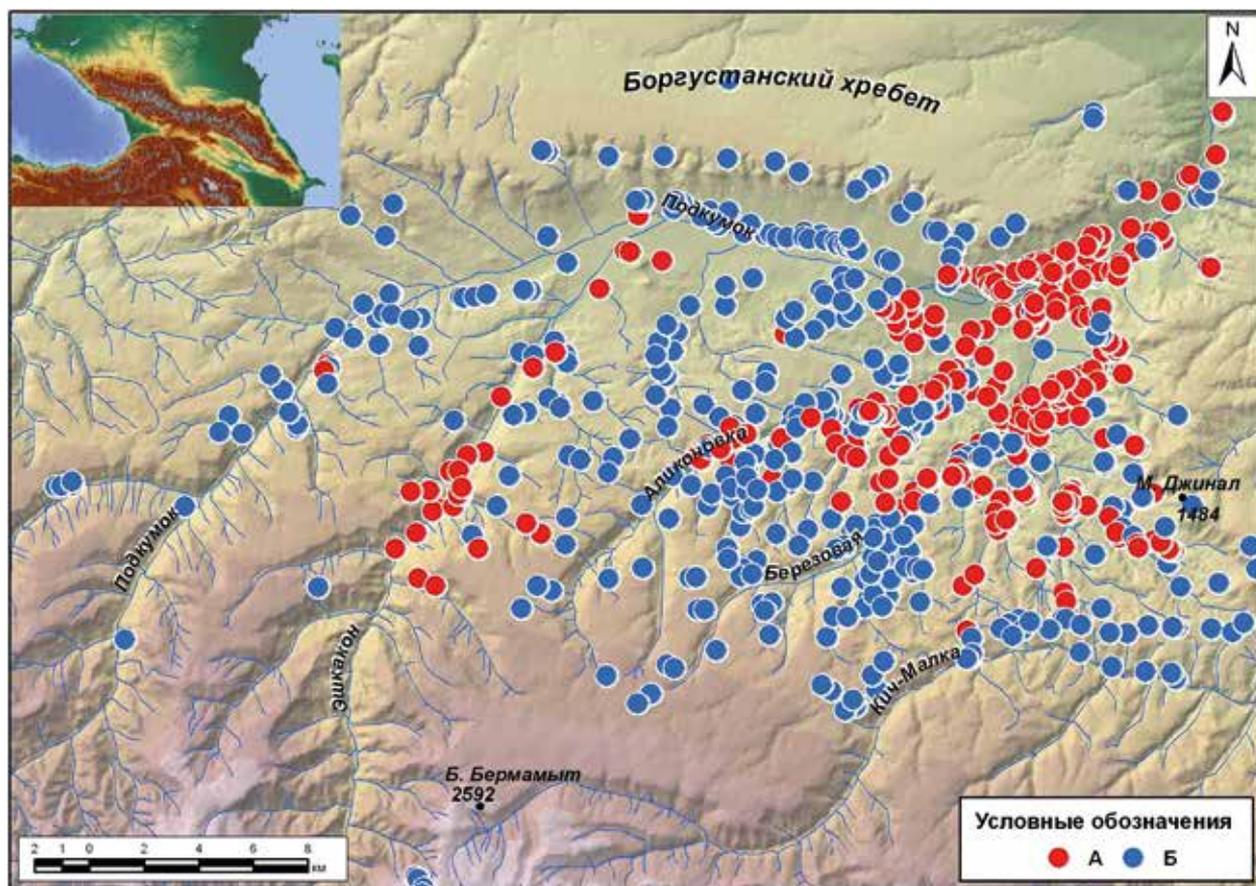

Рис. 1. Степень исследовательности археологических памятников Кисловодской котловины. А: известные к 1996 г.; Б: открытые с 1996 г.

1. kép. Térkép a Kiszlovodszk-medence régészeti lelőhelyeinek kutatottságáról. А: 1996-ig ismert lelőhelyek; Б: 1996 óta feltárt lelőhelyek

Пространственное распространение поселенческих памятников по всей территории Кисловодской котловины вплоть до высот в 1500–1800 м над уровнем моря позволяет утверждать, что все они располагались в условиях, пригодных для ведения комплексного хозяйства – скотоводства и пахотного земледелия. Этот вывод подкрепляется результатами палеоклиматического ГИС-моделирования, проведенного с помощью специального модуля, созданного коллективом географов, климатологов и археологов под руководством Г. Е. Афанасьева.¹² Однако, способы обработки земли менялись с течением времени и существенно влияли на систему расселения. Ключ к пониманию некоторых закономерностей в системе расселения обитателей Кисловодской

котловины в разные времена дали почвенно-археологические исследования, проводимые нами с 2005 г. совместно с А. В. Борисовым, результаты которых были недавно опубликованы в виде монографии.¹³

При изучении особенностей расселения населения Кисловодской котловины и использования ими окружающих ландшафтов в I тыс. н.э. опора сделана на памятники, связанные с бытовой жизнедеятельностью алан – укрепленные и неукрепленные поселения. Современные знания о них еще скромны, поэтому в качестве отправной точки для анализа предлагается разделить весь имеющийся массив данных на несколько классов согласно топографическим особенностям. Так, 153 укрепления были разделены на

¹² Афанасьев–Кислов–Чернышев 2002, 74–75; Афанасьев–Савенко–Коробов 2004, 78–80; Борисов–Коробов 2013, 25–60.

¹³ Борисов–Коробов 2013; Коробов–Borisov 2013.

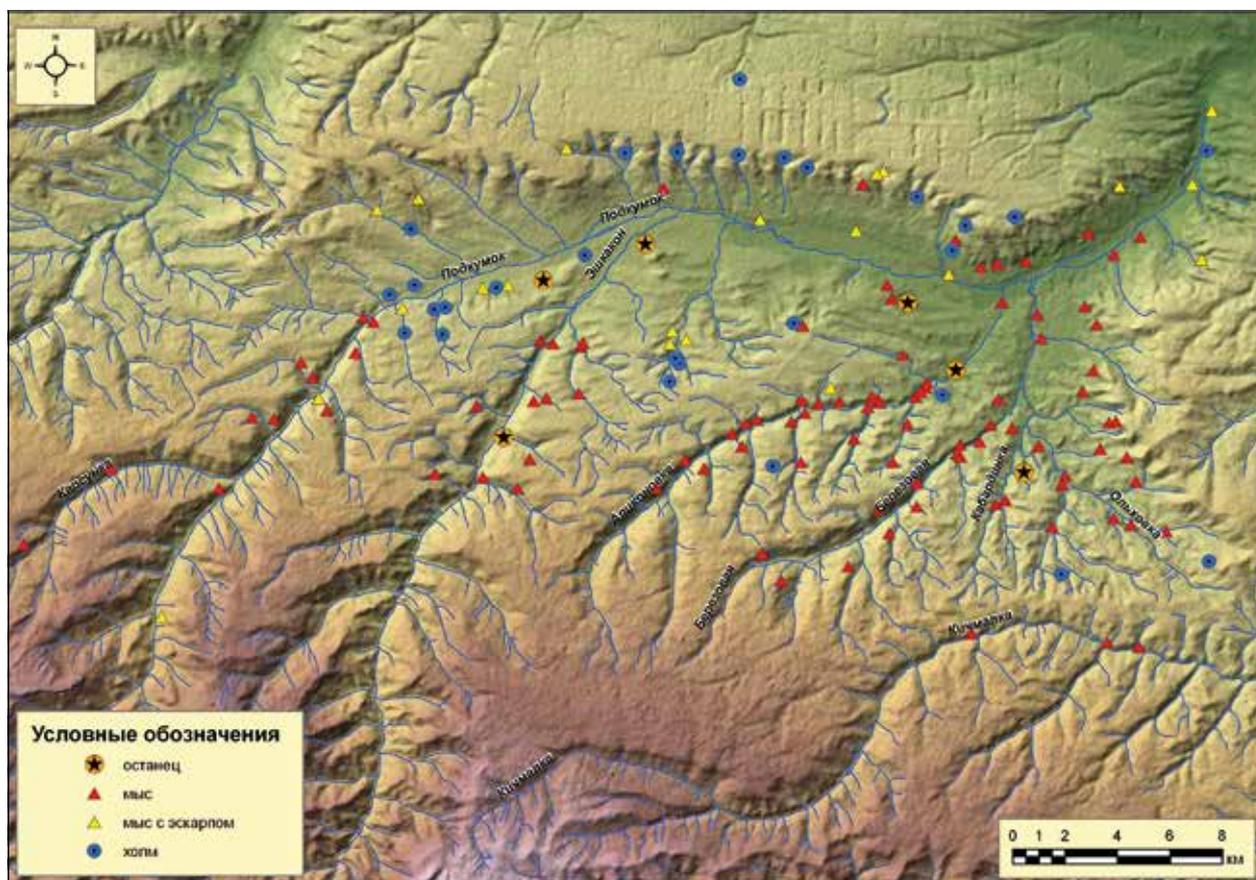

Рис. 2. Карта распространения укреплений разных типов в Кисловодской котловине в I тыс. н.э.
 2. kép. A Kiszlovodszk-medence különböző típusú erődítményeinek elterjedése (Kr. u. I. évezred)

четыре класса по их расположению на останцах, скальных мысах, мысах с эскарпированными склонами и на холмах-возвышенностях (рис. 2). 131 поселение также разделено на четыре класса: поселения на мысах, плато, склонах и речных террасах (рис. 3). Однако, достоверными местами обитания, пространственно отстоящими от укреплений, может считаться лишь 29 открытых поселений, на которых присутствуют развалины архитектурных сооружений, выходы культурного слоя, обильный подъемный материал. Остальные памятники, выделенные в качестве поселений по находкам керамики на поверхности, представляют собой, скорее, ресурсную пахотную зону вокруг укреплений или места мусорного сброса с них. Таким образом, в работе используются данные со 182 укрепленных и неукрепленных поселений Кисловодской котло-

вины I тыс. н.э. На большинстве из них проводились работы разведочного характера, и лишь два укрепления (городище Указатель и Горное Эхо) подвергались систематическим раскопкам, результаты которых опубликованы в обобщенном виде.¹⁴ Однако, авторские детальные разведки 2001–2013 гг., включающие инструментальную топоъемку, шурфовку и ограниченные раскопки на 61 памятнике (43 укрепления, 9 поселений и 9 могильников), систематический сбор подъемного материала, почвенно-археологические и геофизические обследования, позволяют составить более глубокое представление о поселениях I тыс. н.э. в Кисловодской котловине.

Проведя классификацию укрепленных и неукрепленных поселений Кисловодской котловины и рассмотрев особенности их пространственного расположения, степень близости к

¹⁴ КОВАЛЕВСКАЯ 2005, 125–129; АРЖАНЦЕВА 2007, 76–84.

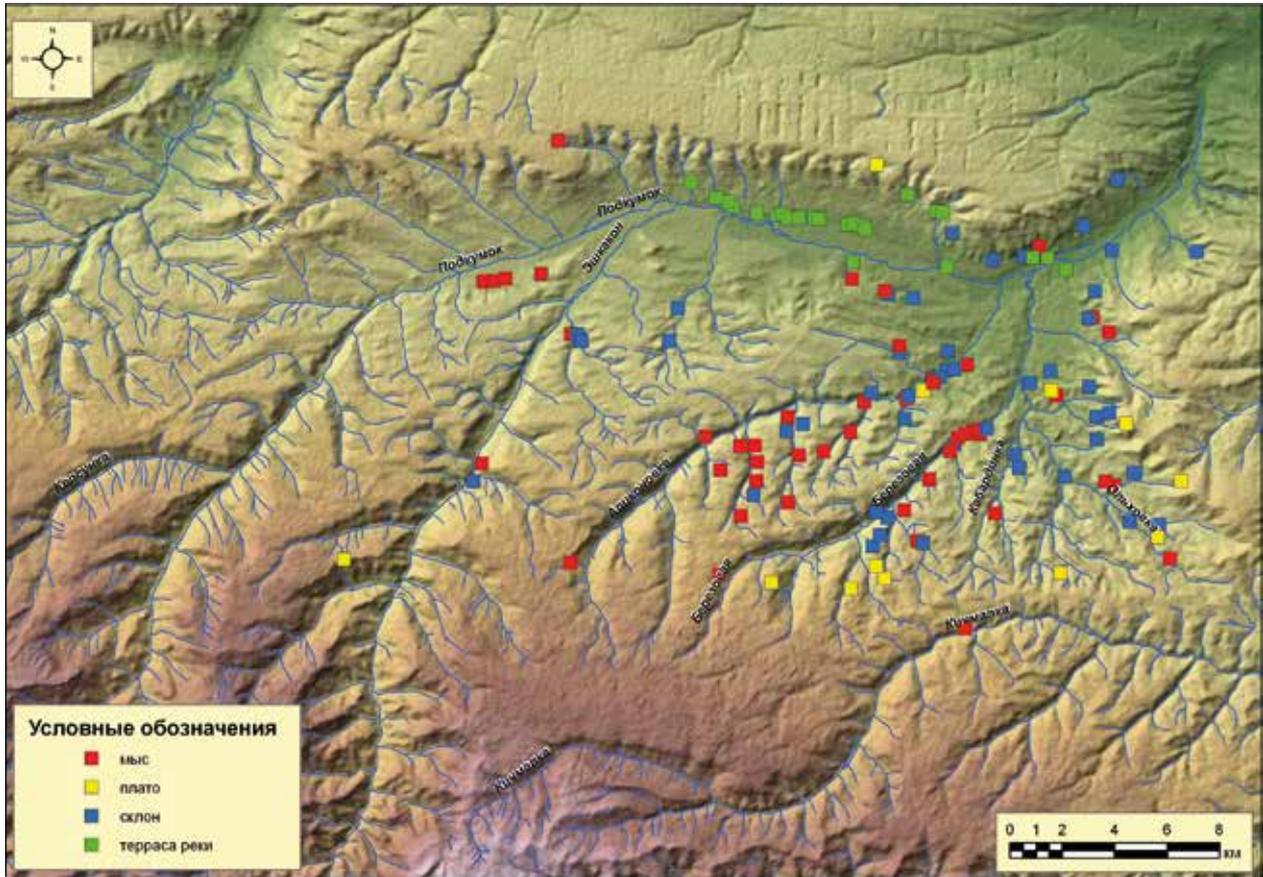

Рис. 3. Карта распространения поселений разных типов в Кисловодской котловине в I тыс. н.э.

3. kép. A Kiszlovodszk-medence különböző típusú településeinek elterjedése (Kr. u. I. évezred)

источникам водоснабжения, уровень обзора местности с укреплений и поселений разных классов, а также соотношение в пространстве с известными грунтовыми могильниками и имеющиеся данные о керамике, индивидуальных находках и радиоуглеродных датах углей и костей животных из шурфов и подъемного материала, можно предварительно разделить весь массив поселений на две хронологические группы. К первой относятся укрепленные поселения, расположенные на мысах с эскарпированными склонами и на холмах (возвышенностях), а также неукрепленные поселения на речных террасах, где чаще встречается материал, датирующийся первой половиной I тыс. н.э. (рис. 4). Находки керамики и металлических предметов, радиоуглеродные даты, а также сопровождающие поселения погребальные памятники второй половины I тыс. н.э. более характерны для каменных крепостей на останцах и скальных мысах, а также для открытых поселений на мысах,

плато и склонах (рис. 5). Очевидно, что поселенческим памятникам этих двух хронологических периодов присущи разные особенности в системе расселения. При этом, не исключено, что в отдельных случаях жизнь на поселениях первого хронологического периода не ограничивалась рамками раннего этапа аланской культуры (II–IV вв. н.э.). Аналогично, некоторые ранне-средневековые поселения могли возникнуть раньше рассматриваемого второго хронологического периода (V–VIII вв. н.э.) и закончить свое существование позже обозначенных временных рамок. Тем не менее, анализируя особенности расселения населения Кисловодской котловины как системы, представляется возможным пренебречь некоторой детализацией, для которой, к тому же, порой не хватает информации в силу слабой изученности поселенческих памятников изучаемого микрорегиона.

Изучение системы расселения аланского населения Кисловодской котловины проводилось

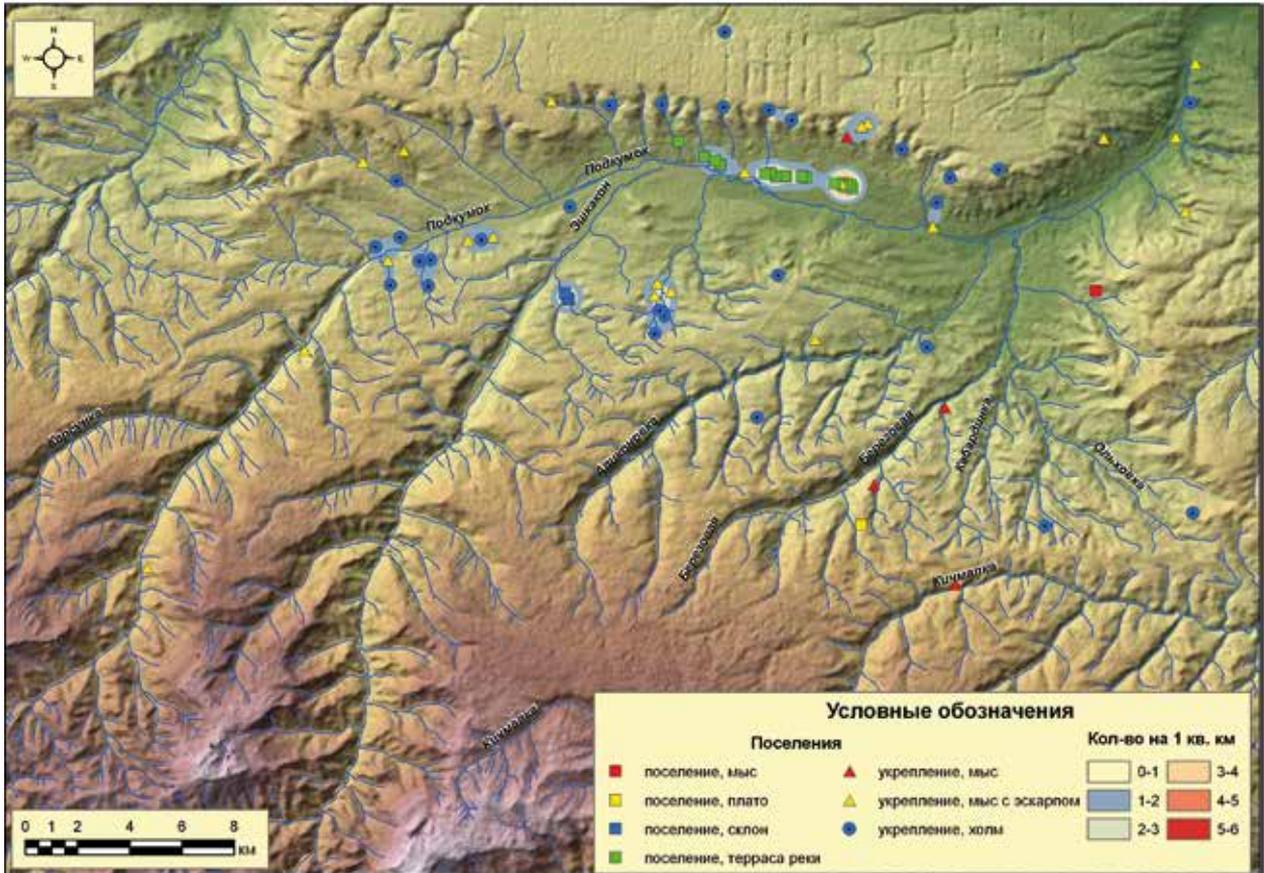

Рис. 4. Карта плотности поселений Кисловодской котловины первого хронологического периода (II–IV вв. н.э.)
4. kép. A Kiszlovodszk-medence településhálózatának sűrűsége az első kronológiai szakaszban (Kr. u. 2–4. század)

при помощи методов пространственного ГИС-анализа, который рассматривается подробнее в ряде опубликованных работ.¹⁵ Проведенный анализ пространственного распространения поселений, связываемых с аланским населением Кисловодской котловины I тыс. н.э., и моделирование окружающих их ресурсных зон позволяет сделать следующие предварительные выводы об эволюции системы расселения алан в рассматриваемый период. Первым этапом данного расселения стало появление во II–IV вв. н.э. цепочки открытых поселений, сопровождаемых немногочисленными укреплениями в виде «земляных городищ» и цепью наблюдательных постов на холмах и возвышенностях (рис. 4). В этот период поселения носили пограничный характер и, ско-

рее всего, маркировали своеобразный «лимес» – южную границу распространения раннего этапа аланской культуры, соприкасающуюся с местным сарматизированным населением «предаланской» культурной группы (памятники типа «Подкумок–Хумара» по В. Ю. Малашеву¹⁶). Некоторые из небольших городищ сопровождались участками пахотных террас, аналогичными западноевропейским линчетам, появившимися в ходе распашки с применением тяжелых пахотных орудий типа плуга. Вопрос о времени возникновения данных наделов остается дискуссионным, но степень вероятности отнесения подобных наделов к первой половине I тыс. н.э. весьма высока. В пользу данного предположения говорят находки керамики этого времени в

¹⁵ КОРОБОВ 2012; КОРОБОВ 2013.

¹⁶ ГАБУЕВ–МАЛАШЕВ 2009, 157.

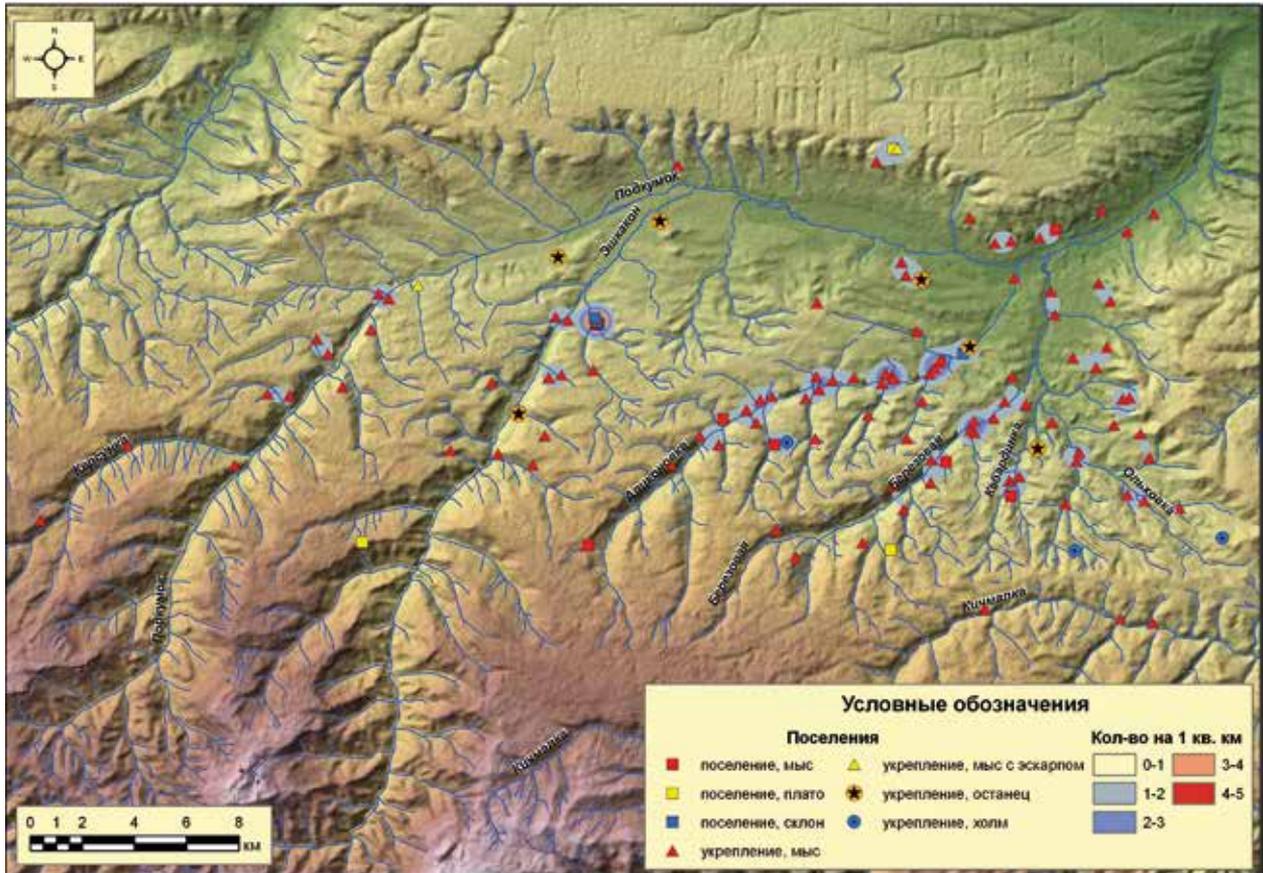

Рис. 5. Карта плотности поселений Кисловодской котловины второго хронологического периода (V–VIII вв. н.э.)
5. kép. A Kiszlovodszk-medence településhálózatának sűrűsége a második kronológiai szakaszban (Kr. u. 5–8. század)

почвенных разрезах, а также европейские аналогии, приводимые некоторыми авторами.¹⁷

Степень изученности поселений раннего этапа аланской культуры в Кисловодской котловине не позволяет сделать каких-либо глубоких выводов. Налицо сочетание как отдельных небольших поселений, так и их агломераций, сконцентрированных в разных местах, т.е. двух моделей расселения – концентрированной (*nucleated*), включающей в себя несколько домохозяйств – и рассеянной (*dispersed*), представляющей отдельные домохозяйства, разбросанные по территории.¹⁸ Проведенные расчеты показали, что потенциальная ресурсная зона пахотного земледелия вокруг поселений II–IV вв., которые могут быть связаны с аланским населением, способна прокормить в совокупности от 2000 до

2700 человек (рис. 6). Это население занимало ограниченную территорию на северной границе Кисловодской котловины площадью около 140–150 кв. км, что дает нам достаточно высокую плотность населения в 14–18 чел. на кв. км. На поселениях в Воровских Балках, которые нельзя однозначно связать с памятниками раннего этапа аланской культуры, могло располагаться еще 350–500 человек. Речь идет, однако, лишь о том потенциальном количестве народа, которое могло прокормиться с окрестных угодий, а не о моделировании реального числа обитателей этих поселений.

Таким образом, скорее всего, высокая концентрация укрепленных поселений первого хронологического этапа вдоль основной водной артерии микрорегиона – р. Подкумок – отражает

¹⁷ WHITTINGTON 1962, 120; BRADLEY 1978, 267; MÜLLER-WILLE 1979, 213; FOWLER 1983, 177; FRIES 1995, 134, 152.

¹⁸ ROBERTS 1996, 19–23, fig. 2.1.

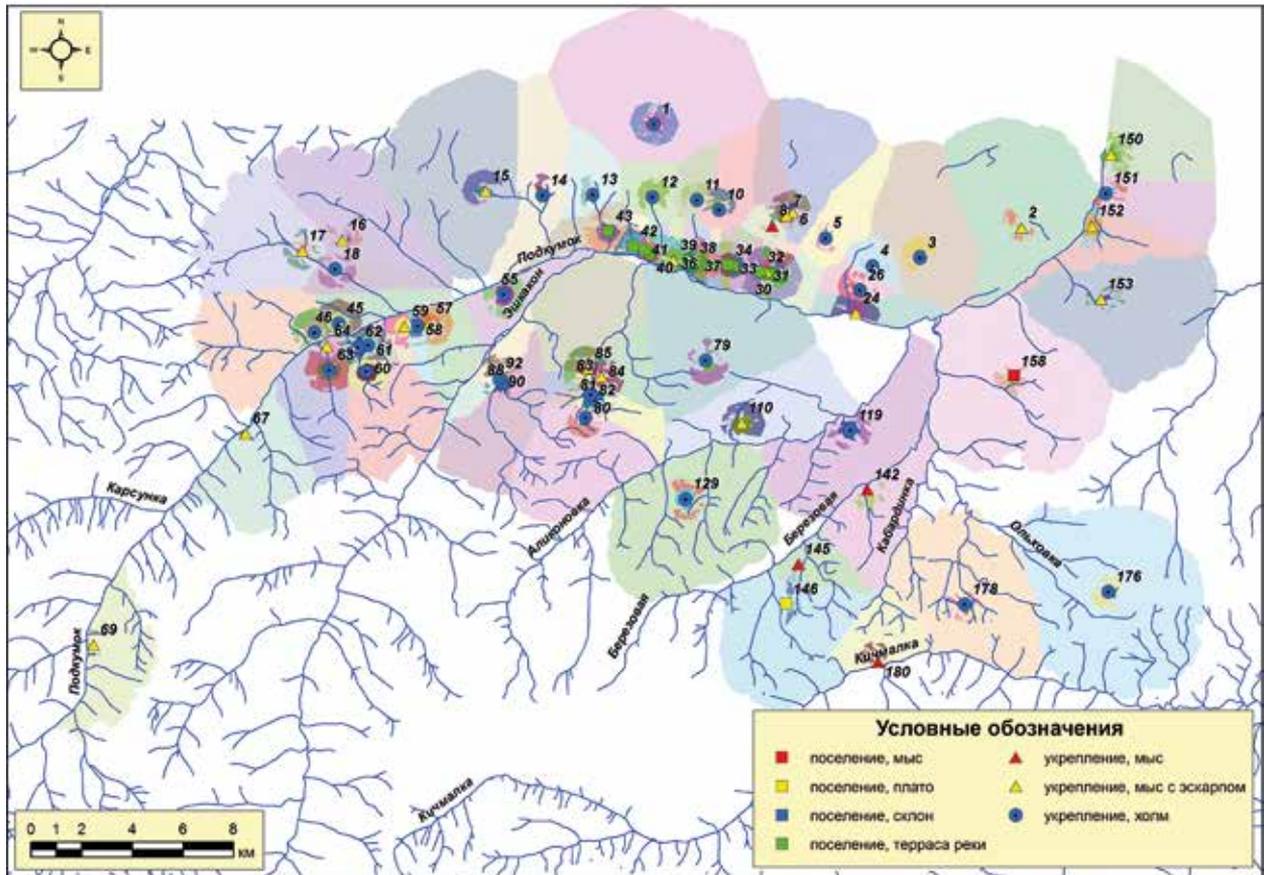

Рис. 6. Результат пространственного анализа потенциальных ресурсных зон вокруг поселений Кисловодской котловины первого хронологического периода (II–IV вв. н.э.) с выделением минимальных и максимальных потенциальных пахотных угодий

6. kép. A Kiszlovodszk-medence első kronológiai periódusából (Kr. u. 2–4. század) származó települések környezetének potenciális természeti erőforrásait vizsgáló elemzés eredménye, külön kiemelve a földművelésre minimálisan és maximálisan alkalmas területeket

ситуацию первичного освоения новой территории аланским населением во враждебном или полувраждебном окружении, когда основывается цепь пограничных поселений на северных рубежах Кисловодской котловины, призванных контролировать окрестные ресурсные зоны, пути сообщения и пограничные области с инокультурным населением. Подобная ситуация, очевидно, возникла не позднее середины III в. н.э. и продолжалась до рубежа IV–V вв., когда появляются новые поселения во внутренних территориях изучаемого микрорегиона, а система расселения претерпевает значительные изменения.

В последующий период, начиная с конца IV в. н.э., происходит широкое расселение алан по всей территории Кисловодской котловины, на которой они обитают вплоть до середи-

ны VIII в. Памятники раннего Средневековья плотно занимают практически всю территорию Кисловодской котловины, поднимаясь на высоту до 1800 м и более. Основное их количество лежит в нижнем и среднем течении Подкумка и его притоков (рис. 5). Как правило, места обитания аланского населения представляют собой небольшие (до 0,5 га) укрепленные поселения на краю скальных мысов, к которым прилегают ровные пространства с плодородными земельными участками, за которыми следуют склоны делювиальных холмов, зачастую используемые для устройства катакомбных захоронений. Имеется некоторое количество неукрепленных поселений со следами проживания в виде сохранившихся на поверхности развалов каменных построек. Отдельные поселения достигают весьма крупных размеров

– например, поселение Зубчихинское 3, имеющее площадь около 3,8 га, на котором обнаружено 47 каменных развалов от строений¹⁹ или останцовое укрепление Горное Эхо площадью в 1,3 га с предполагаемым количеством населения в 300–400 чел.²⁰ Примечательны укрепления на скальных останцах, очевидно, выполнявшие роль центральных поселений котловины в эпоху раннего Средневековья.²¹ В некоторых случаях в моделируемую зону пахотных угодий попадают участки земледелия с межевыми стенками (так называемые «кельтские поля»), обнаруженные нами в окрестностях поселений V–VIII вв. н.э. Зубчихинское 1 и 3, Кич-Малка 1, Медовое Правобережное 1, Подкумское 6. Очевидно, именно такие наделы были основной формой земельных участков аланского населения Кисловодской котловины в рассматриваемый период.²²

Таким образом, основная масса поселений этого периода представляет собой небольшие патриимические поселки – места обитания семейных кланов из 1–5 семейств²³, расположенных внутри ресурсной зоны, способной прокормить данные коллективы (рис. 7). Подобная ситуация говорит о рассеянной модели расселения, предполагающей высокую степень автономности социальных коллективов и, следовательно, низкий уровень иерархии и социального развития.

Однако наблюдается постепенный процесс складывания элит и выделения политических центров. В V–VIII вв. формируется несколько центров власти, связанных скорее всего с останцовыми укреплениями (Рим-Гора, Центральное Эшкаконское, Клин-Яр, Горное Эхо, Кугульское), а также с укреплением Лермонтовская Скала 1 и поселением Зубчихинское 3 (рис. 8), где в сопровождающих укреплениях могильниках наблюдается концентрация предметов роскоши, выделение участков с элитными захоронениями родственников, использование специфических погребальных сооружений для

подчеркивания высокого социального статуса. Данные поселения являются более крупными по размерам, на них прослеживаются следы особенных архитектурных сооружений. И все же данных о поселениях по-прежнему недостаточно для более подробной характеристики картины постепенного складывания социальных элит в Кисловодской котловине – в основном, для подобного анализа используются материалы могильников.²⁴ Тем не менее, уже сейчас очевидно, что в окрестностях Кисловодска имеются раннесредневековые поселения, выглядящие неординарно на фоне остальных, и что наиболее вероятный центр политической власти в Кисловодской котловине находился на городище Горное Эхо.

Вывод об автономности многочисленных поселений V–VIII вв. подкрепляется результатами пространственного ГИС-анализа, согласно которому ресурсная зона вокруг поселений была способна прокормить в зависимости от принятой модели от 300 до 1200 семей, т.е. население, сопоставимое с количеством, которое может быть реконструировано исходя из площади поселений (600 семей) и количества видимых на поверхности построек (450 семей). Установлено, что подсчет количества населения по площади памятников, исходя из расчета в 50 чел./га наилучшим образом соотносится с числом построек, наблюдаемом на них, и примерно в трети случаев (32 из 114) сопоставим с количеством домохозяйств, рассчитанном по минимальным площадям пахотных угодий вокруг поселений. Таким образом, очевидно, что за неимением более точных сведений о поселениях, мы вправе рассчитать количество обитателей Кисловодской котловины исходя из известных площадей раннесредневековых поселений и принимая в качестве нормы плотность населения около 50 чел./га. Исходя из этого, представляется возможным установить ориентировочное

¹⁹ КОРОВОВ 2012а.

²⁰ АРЖАНЦЕВА 2007, 77, 80.

²¹ КОРОВОВ 2012, 49–50.

²² КОРОВОВ 2012а, 211–213; КОРОВОВ–БОРИСОВ 2012, 58–60; КОРОВОВ–БОРИСОВ 2013, 1097–1099; БОРИСОВ–КОРОВОВ 2013, 135–142, 167, 182–183.

²³ АФАНАСЬЕВ 1978.

²⁴ КАЗАНСКИЙ–МАСТЫКОВА 2001; МАСТЫКОВА 2008.

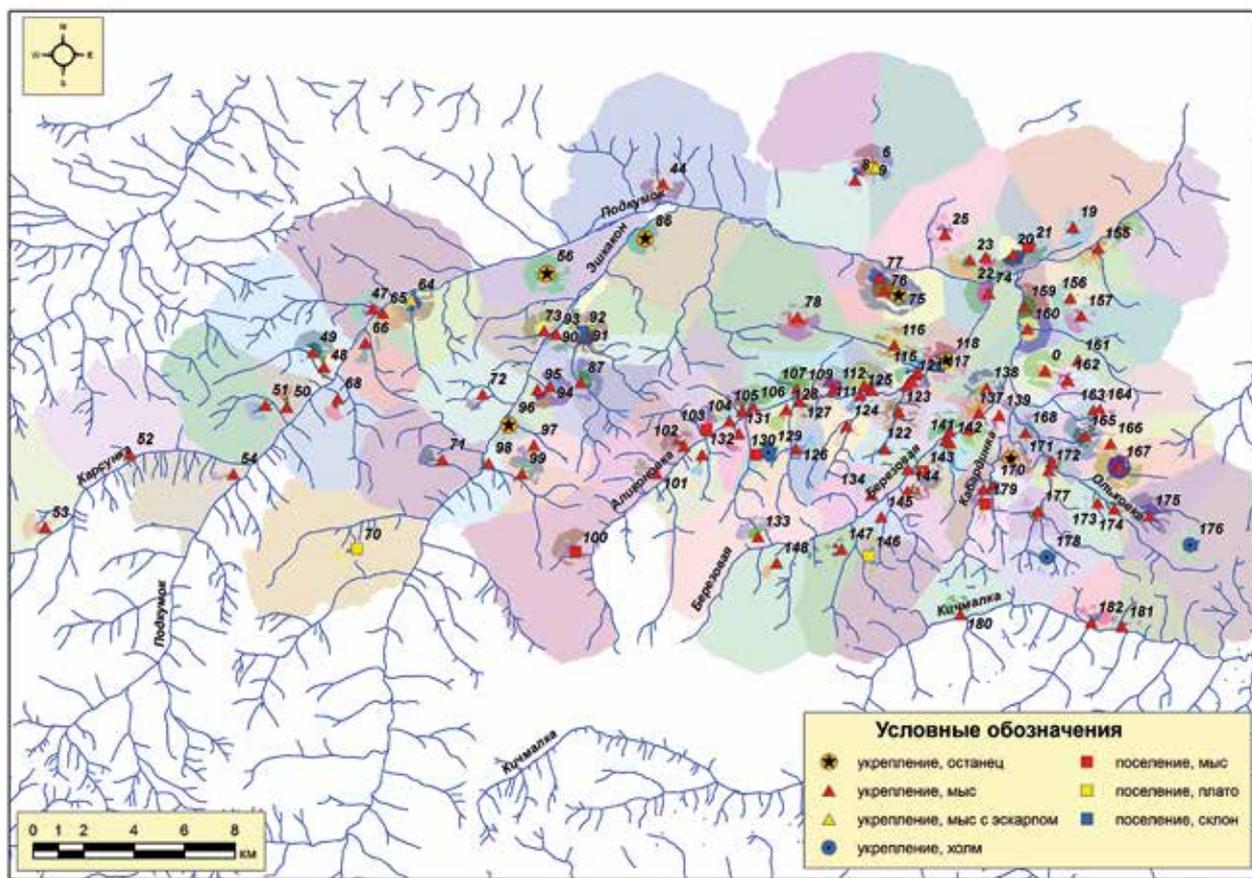

Рис. 7. Результат пространственного анализа потенциальных ресурсных зон вокруг поселений Кисловодской котловины второго хронологического периода (V–VIII вв. н.э.) с выделением минимальных и максимальных потенциальных пахотных угодий

7. kép. A Kislovodszk-medence második kronológiai periódusából (Kr. u. 5–8. század) származó települések környezetének potenciális természeti erőforrásait vizsgáló elemzés eredménye, külön kiemelve a földművelésre minimálisan és maximálisan alkalmas területeket

количество населения Кисловодской котловины в V–VIII вв. примерно в 600 домохозяйств, т.е. 3000–3600 человек. Плотность населения в этом случае составляет от 5,8 до 7 чел. на кв. км, что прекрасно сопоставляется с результатами расчетов франкского населения Южной Германии меровингского времени²⁵, проживавшего в сходных ландшафтных условиях. Данный вывод противоречит сделанным ранее предположениям о так называемом «демографическом взрыве», происходящем в Центральном Предкавказье в середине VI в. и приведшем к резкому увеличению ее населения.²⁶ Скорее речь должна идти об

изменившейся системе расселения, при которой относительно небольшое население равномерно занимает обширные пространства.

Подобная система расселения прослежена на Северном Кавказе в позднем Средневековье и в начале Нового времени, когда в горной зоне Центрального Предкавказья, среди балкарцев, осетин, ингушей и чеченцев, были широко распространены укрепленные поселки с жилыми и боевыми башнями.²⁷ Кавказскими этнографами отмечаются малые размеры подобных поселений, как правило, состоявших из 1–5 башен и пристроенных к ним жилых и хозяйственных

²⁵ SIEGMUND 1998, 182.

²⁶ КОВАЛЕВСКАЯ 1984, 131–132.

²⁷ РОБАКИДЗЕ 1968; УМАРОВ 1969; КАЛОЕВ 1971, 131–150; КРУПНОВ 1971, 58–79; ГОЛЬДШТЕЙН 1975, 10–51; РОБАКИДЗЕ–ГЕГЕЧКОРИ 1975; ДЖАНДИЕРИ–ЛЕЖАВА 1976; МУЖУХОВЕВ 1977, 19–48; КАЛДАНИ 1986.

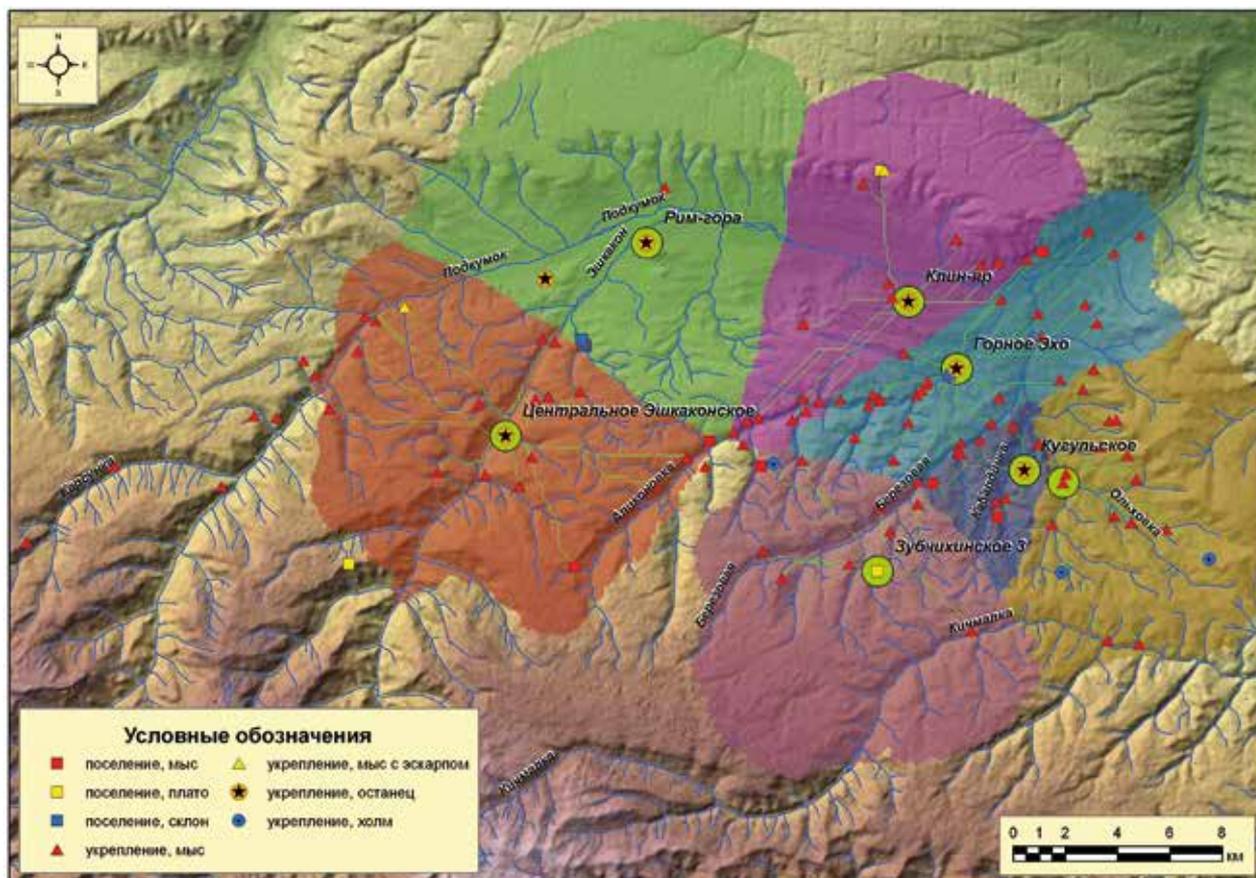

Рис. 8. Результаты анализа потенциальных территорий ответственности центральных поселений Кисловодской котловины V–VIII вв. и моделирование кратчайших путей сообщения с центральных поселений на рядовые поселения 8. kép. A Kiszlovodszk-medence 5–8. századi központi településeihez tartozó potenciális területek vizsgálatának eredménye és a központi településekről a periférikus településekre menő legrövidebb útvonalak modellezése

помещений, служивших местами обитания небольших патронимических коллективов.²⁸ Интересным представляется вывод о том, что широкое распространение башенных построек говорит о неразвитости социальных отношений в горских обществах.²⁹ Там, где прослеживается господство родовой аристократии и имеются зачатки феодальной власти, где складываются государственные структуры, башенное строительство ограничивается.³⁰ Напротив, оно широко распространено среди так называемых «вольных обществ», не знавших аристократического правления и имевших демократическое устройство.³¹ Таким образом, существование

укрепленных поселений в качестве основного места обитания свидетельствует об определенной неразвитости социальных отношений, однородности общества, объединенного в семейные кланы, зачастую враждовавшие друг с другом, и поэтому вынужденные проживать в укрепленных поселениях.

Если обратиться в сторону европейских аналогий, то наиболее близкую систему расселения можно наблюдать в раннесредневековой Ирландии, где также имеется значительное количество (около 60 тыс.) небольших родовых укрепленных поселков, расположенных внутри малых предгосударственных образований – так называ-

²⁸ Робакидзе 1968, 90–91; Умаров 1969, 170, 175; Робакидзе–Гегечкори 1975, 192; Мужухоев 1977, 32–36.

²⁹ Робакидзе–Гегечкори 1975, 191; Джандиери–Лежава 1976, 78, 117; Мужухоев 1977, 138–139; Калдани 1986, 20–21.

³⁰ Джандиери–Лежава 1976, 78.

³¹ Джандиери–Лежава 1976, 11.

емых «племенных королевств» (староирл. *túath* – в переводе «племя», «народ» или «клан»).³² Размеры ирландского «королевства» VI–VII в., так же как и некоторых англо-саксонских королевств этого времени, вполне сопоставимы с границами Кисловодской котловины. Так, согласно «племенному списку» (*Tribal Hidage*) Англии VII в., размеры королевства лежат в пределах 300–7000 хайдов (единиц площади, с которой способно прокормиться одно домохозяйство; в метрических единицах составляет от 80 до 120 акров или 32–48,5 га), т.е. от 100 до 3500 кв. км.³³ Однако, существует мнение, что в данном источнике под определением «хайд» скрывается не полезная площадь угодий, а количество домохозяйств, обязанных выплачивать подати королю.³⁴ В этом случае мы получаем средние размеры небольших англо-саксонских королевств VI–VII вв. в пределах 300–600 семейств (16 из 34 перечисленных в «племенном списке»), что полностью соответствует предполагаемым размерам аланского социума Кисловодской котловины в рассматриваемого времени.

Таким образом, Кисловодская котловина в эпоху раннего Средневековья, скорее всего, представляла собой типичное для некоторых стран Северной Европы племенное «королевство», связываемое письменными источниками этого времени с аланским племенным образованием аш-тигоров. Это устанавливается в ходе сопоставления анализа некоторых письменных источников, прежде всего, «Армянской географии» VII в. («Ашхарацуйц»), проведенного недавно К. Цукерманом,³⁵ с картой распространения катакомбных могильников V–VIII вв. на Северном Кавказе (рис. 9) и результатами анализа особенностей погребального обряда, позволяющего выделить аланское население Кисловодской котловины в качестве особой племенной группировки. Логика развития по-

добного племенного образования была направлена в сторону постепенного усложнения социальной структуры и укрупнения поселенческих структур.

Однако, процесс поступательного развития аланского раннесредневекового социума в Кисловодской котловине был прерван в середине VIII в., когда памятники алан исчезают из рассматриваемого района примерно на 150–200 лет. Скорее всего, население котловины перемещается на 1000 км севернее и формирует вместе с другими выходцами с Северного Кавказа цепь пограничных поселений Хазарского каганата на территории лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.³⁶ Возвратившееся в котловину в X в. население находится уже на новой ступени социального развития – оно являлось в VIII–IX вв. составной частью крупнейшего раннесредневекового государственного образования Восточной Европы. Наступает новый этап в заселении Кисловодской котловины, связанный с формированием крупных поселенческих центров, расположенных в основном вдоль основного торгового пути по долине Подкумка (рис. 10). Таких центров всего пять (Уллу-Дорбунла, Рим-Гора, Указатель, Кольцо-Гора и Долина Очарования), но они занимают значительные площади от 10 до 130 га и сопровождаются обширными могильниками из катакомб и других погребальных сооружений.³⁷ Очевидно, что перед нами складывающиеся городские центры Аланского государства, находящиеся на основных торговых путях, важность которых уже отмечалась исследователями.³⁸

В окрестностях некоторых памятников X–XII вв. присутствуют следы земледельческой активности – многочисленные надельные в виде узких длинных террас второго типа, аналогичных пахотным террасам (англ. *strip lynchets*). Это установлено в ходе анализа аэрофотосъемки,

³² DAVIES 2005, 240; WICKHAM 2005, 51.

³³ THACKER 2005, 467–477.

³⁴ THACKER 2005, 477.

³⁵ ZUCKERMAN 2000, 531–594; ЦУКЕРМАН 2005, 65–84.

³⁶ АФАНАСЬЕВ–РУНИЧ 2001, 22–23; КОРОБОВ 2003, 98–99, 116–118.

³⁷ РУНИЧ 1970; РУНИЧ–МИХАЙЛОВ 1976; РУНИЧ–БЕРЕЗИН–САВЕНКО 1983; АФАНАСЬЕВ–САВЕНКО–КОРОБОВ 2004, 120, 125; КОВАЛЕВСКАЯ 2005, 125–129.

³⁸ КУЗНЕЦОВ 1992, 227–230; КУЗНЕЦОВ 1993а, 27–30.

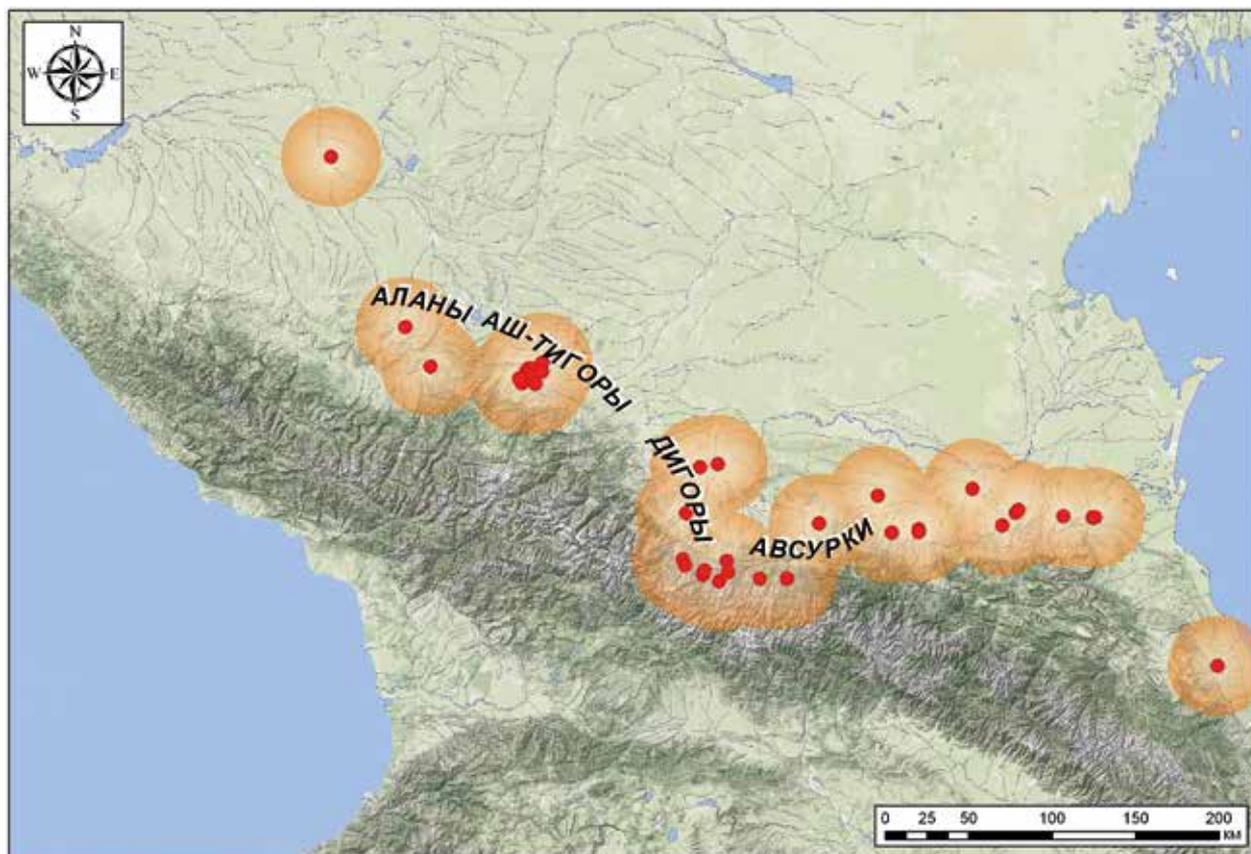

Рис. 9. Сопоставление ареала катакомбных могильников второй половины V – первой половины VIII вв. н.э. с расселением аланских племен по К. Цукерману (2005, рис. 1)

9. kép. Az 5. század második felétől a 8. század első feléig keltezhető kamrasíros temetők elterjedési területének összevetése az alán törzsek C. Zuckerman által rekonstruált (ЦУКЕРМАН 2005, рис. 1) elhelyezkedésével

демонстрирующего, что около 84% участков террасирования второго типа лежит в радиусе 5 км вокруг двух значительных памятников развитого Средневековья – городищ Рим-Гора и Указатель. Подобные наделы могли возникнуть при использовании тяжелого плуга с отвальным механизмом, что, по мнению большинства авторов, свидетельствует об их появлении именно в развитом Средневековье.³⁹ Косвенно в пользу данного предположения об использовании тяжелых пахотных орудий аланами в X–XII вв. свидетельствует находка чересла на городище Адиух в Карачаево-Черкесии.⁴⁰ Однако, результаты наших почвенно-археологических исследований пока не позволяют с уверенностью связать воз-

никновение пахотных террас именно с этим периодом.⁴¹

Проведенные расчеты потенциальных ресурсных зон вокруг поселенческих центров X–XII вв. позволяют предположить в них крупную концентрацию населения, которое могло насчитывать от 600 до 900 домохозяйств на каждом поселении. Близкие значения получены при моделировании количества населения, исходя из площади памятника и количества видимых на поверхности сооружений. Здесь наиболее детальные работы были проделаны на городище Уллу-Дорбунла, где в ходе дешифрирования аэрофотосъемки на площади 14 га зафиксировано около 130 развалов построек. Полученные ре-

³⁹ RAISTRICK–CHAPMAN 1929, 181; CURWEN 1946, 49, 63, 70; TAYLOR 1966, 279–280; FOWLER–EVANS 1967, 295; HEDEAGER 1992, 202; FOWLER 2002, 196–197.

⁴⁰ МИНАЕВА 1960, 270; КУЗНЕЦОВ 1971, 52–57.

⁴¹ БОРИСОВ–КОРОБОВ 2013, 126–134.

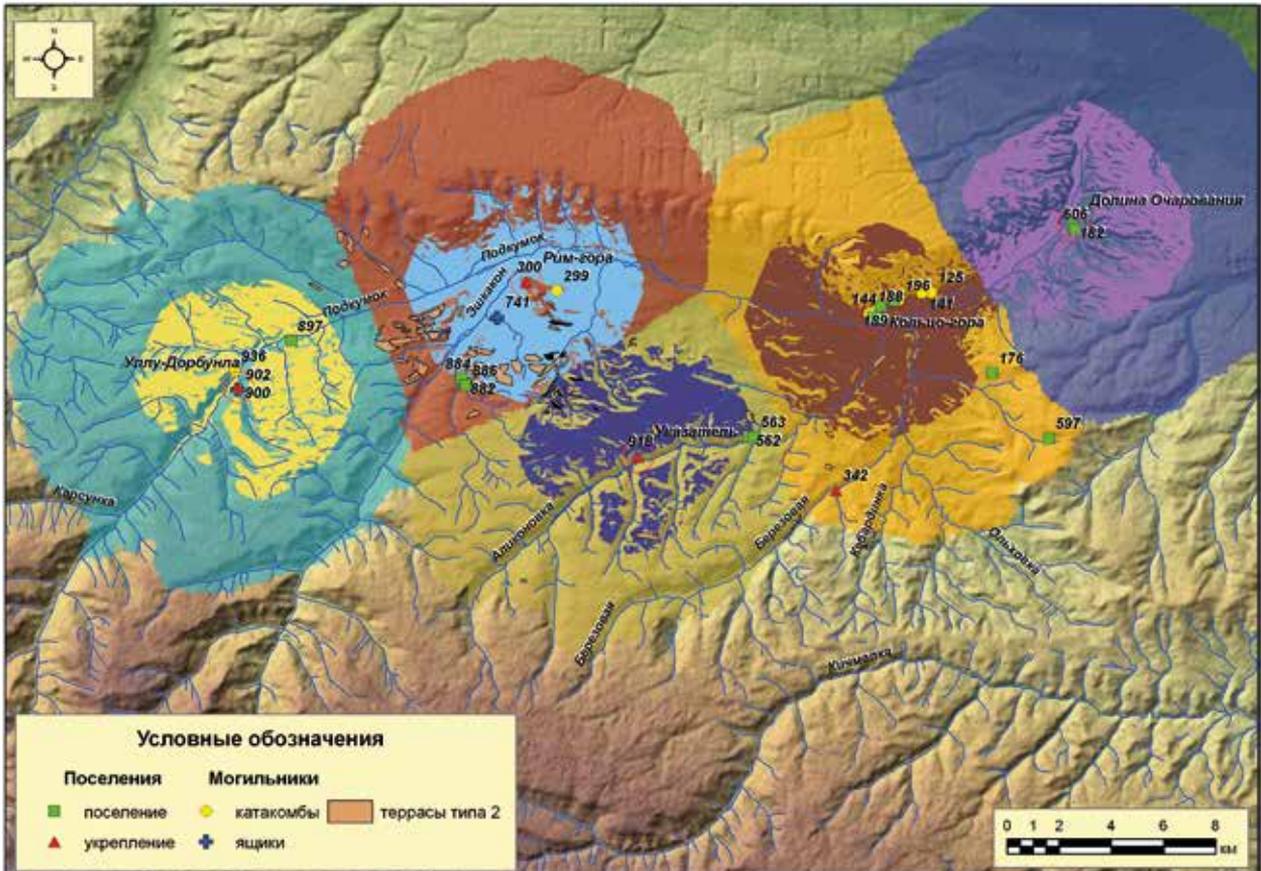

Рис. 10. Результат выделения потенциальных пахотных угодий внутри ресурсных зон поселений Кисловодской котловины X–XII вв.

10. kép. Potenciálisan földművelés alá vonható területek a Kiszlovodszk-medence 10–12. századi településeinek elérhető közelségében

зультаты были проверены в ходе полевых исследований. В итоге на топографический план городища⁴² было нанесено семь ареалов построек и шесть ареалов захоронений, очевидно, образующих патронимические кварталы с участками прилегающих к ним родовых кладбищ. Таким образом, представляется возможным реконструировать разными способами потенциальное количество обитателей городища Уллу-Дорбунла в период его расцвета, приходившегося на эпоху развитого Средневековья (X–XII вв.), в 500–1500 человек. Близкие показатели количества жителей от 740 до 1780 человек предполагаются И. А. Аржанцевой

для населения другого крупного поселения развитого Средневековья, расположенного в Карачаево-Черкесии – городища Кяфар⁴³. Данное количество населения представляется вполне обоснованным, если сравнить его с населением более крупных городских центров северокавказских алан – например, Нижнего Архыза, число обитателей которого, по мнению В. А. Кузнецова, составляло от 2 до 5 тыс. человек,⁴⁴ или с крупнейшим городищем рассматриваемого микрорегиона – Рим-Горы – с рассчитанным числом жителей в 2–2,5 тыс. человек.⁴⁵ Налицо существование в Кисловодской котловине крупных поселенческих центров X–XII вв., напоми-

⁴² Коробов 2013б, рис. 3.

⁴³ Аржанцева 2007, 85.

⁴⁴ Кузнецов 1993а, 260.

⁴⁵ Савенко 2017, 178.

нающих по своим размерам и функциональным особенностям средневековые города.⁴⁶

Таким образом, мне представляется, что направление эволюции системы расселения алан в Центральном Предкавказье на примере Кисловодской котловины в течение I тыс. н.э. идет теми же путями и, очевидно, под воздействием тех же закономерностей, что и у других европейских варварских народов, в особенности на Севере Европы, где система расселения и хозяйствования не испытала нивелирующего воздействия мощной римской цивилизации. Прослеживается тенденция в переходе от пограничной ситуации III–IV вв., когда присутствует линия открытых поселений на левом берегу Подкумка, перемежающаяся небольшими городищами и подкрепленная многочисленными сигнально-сторожевыми постами, к рассеянному освоению пространства в виде небольших укрепленных поселений V–VIII вв., очевидно, живущих на самообеспечении и мало связанных друг с другом. Социальная организация в это время напоминает небольшое племенное «королевство» с относительно малым количеством населения (порядка 600 семей), проживающего рассеяно практически по всей территории котловины и способного контролировать лишь небольшие территории в непосредственной близости от своих поселений. Очевидна неразвитость социальных отношений по сравнению с предыдущим периодом II–IV вв., который можно трактовать как предгосударственную (протогосударственную) ступень развития аланского общества⁴⁷ или обозначать более нейтральным термином «аналог раннего государства» по Л. Е. Гринину.⁴⁸

Однако, уже происходит оформление местной элиты, выразившееся в богатстве погребального инвентаря отдельных захоронений,⁴⁹ устройстве особых участков родовых кладбищ,

концентрации населения вокруг небольших центров власти. В некоторых случаях этот процесс столь очевиден (элитный участок могильника Клин-Яр 3), что позволяет авторам раскопок ставить вопрос о начале движения к ранней государственности уже с VII в.,⁵⁰ т.е. в то же время, что и у других обитателей племенных королевств Северной Европы.⁵¹ Но поступательный процесс социального развития, выразившийся в том числе и в постепенном укрупнении поселенческой структуры, прерывается в середине VIII в. массовым исходом алан из Кисловодской котловины, скорее всего, в бассейн Среднего Дона,⁵² где они занимают обширные поселения, примыкающие к регулярно устроенным крепостям на северо-восточных рубежах Хазарского каганата.⁵³

Несомненно, это вовлечение аланских племенных образований в жизнь одного из крупнейших государств Восточной Европы VIII–X вв. сыграло роль катализатора социальных процессов, происходивших в аланском обществе. Мы застаем вернувшихся в X в. в Кисловодскую котловину алан уже на новой ступени социального развития, для которой характерна значительная концентрация населения в крупных поселенческих центрах, напоминающих средневековые города, высококачественное профессиональное производство керамики в специализированных гончарных мастерских, переход к использованию тяжелого плуга в земледелии,⁵⁴ по-видимому, оставившего следы в виде новой для Кисловодской котловины системы пахотных террас наподобие европейских «открытых полей». Происходит явное увеличение количества населения по сравнению с раннесредневековым периодом при резком уменьшении числа поселенческих памятников. Налицо постепенное складывание государственного образования – средневековой

⁴⁶ Кузнецов 1992, 226–229.

⁴⁷ ARZHANTSEVA–DEORIK–MALASHEV 2000, 248.

⁴⁸ Гринин 2006; Гринин 2011, 232–287; Малашев 2014.

⁴⁹ Коровов 2003, 281.

⁵⁰ HARKE–BELINSKIJ 2012, 138.

⁵¹ HAMEROW 2002, 191–194; WICKHAM 2005, 376–379.

⁵² АФАНАСЬЕВ–РУНИЧ 2001, 22–23; Коровов 2003, 98–99.

⁵³ АФАНАСЬЕВ 1993, 141–150.

⁵⁴ Кузнецов 1971, 52–57, 122–132.

Алании, а также постепенного проникновения христианства, центр которого, по-видимому, находился западнее Кисловодской котловины, в верховьях Кубани.⁵⁵

Монгольское нашествие и, в особенности, разорительные походы Тамерлана, положили конец поступательному развитию этого государства.⁵⁶ Кисловодская котловина вновь опустела на не-

сколько сотен лет, а оставшееся население, отброшенное назад в своем социальном развитии, очевидно, вернулось к той системе расселения, которая была характерна для раннего Средневековья – дисперсному обитанию небольших родственных коллективов в укрепленных башнями родовых поселках. Однако этот процесс протекал уже вне пределов Кисловодской котловины.

ЛИТЕРАТУРА

- АЛЕШИНСКАЯ И ДР. 2008: Алешинская, А. С. – Кочанова, М. Д. – Макаров, Н. А. – Спиридонова, Е. А.: Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополя в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований). *Российская археология* 2008:1, 35–47.
- АРЖАНЦЕВА 2007: Аржанцева, И. А.: Каменные крепости алан. *Российская археология* 2007:2, 75–88.
- АФАНАСЬЕВ 1978: Афанасьев, Г. Е.: Патронимия у алан (к постановке проблемы). В: *Социальные отношения у народов Северного Кавказа*. Ред.: Магометов, А. Х. Орджоникидзе 1978, 4–20.
- АФАНАСЬЕВ 1987: Афанасьев, Г. Е.: *Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв.* Москва 1987.
- АФАНАСЬЕВ 1992: Афанасьев, Г. Е.: Этнические аспекты генезиса катакомбного обряда погребений в салтово-маяцкой культуре. В.: *Аланы и Кавказ*. Ред.: Тменов, В. Х. Владикавказ–Цхинвал 1992, 83–97.
- АФАНАСЬЕВ 1993: Афанасьев, Г. Е.: *Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона*. Москва 1993.
- АФАНАСЬЕВ–ДОБРОВОЛЬСКАЯ–БОРИСОВ 2012: Афанасьев, Г. Е. – Добровольская, М. В. – Борисов, А. В.: Ирано-тюркский кондоминиум в ресурсных и транзитных зонах восточноевропейской лесостепи I тысячелетия и фактор византийско-хазарского противостояния руссам. В: *Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования: материалы Всероссийской науч. конф.* (Москва, ИА РАН, 4–6 декабря 2012 года). Ред.: Черных, Е. Н. Москва 2012, 77–83.
- АФАНАСЬЕВ И ДР. 2014: Афанасьев, Г. Е. – Добровольская, М. В. – Коробов, Д. С. – Решетова, И. К.: О культурной, антропологической и генетической специфике донских алан. В: *Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа*. Ред.: Коробов, Д. С. Москва 2014, 312–315.
- АФАНАСЬЕВ И ДР. 2015: Афанасьев, Г. Е. – Вень, Ш. – Тун, С. – Ван, Л. – Вэй, Л. – Добровольская, М. В. – Коробов, Д. С. – Решетова, И. К. – Ли, Х.: Хазарские конфедераты в бассейне Дона (археологические, антропологические и генетические аспекты). В: *Естественнонаучные методы исследования и парадигма современной археологии. Материалы Всероссийской научной конференции*. Ред.: Черных, Е. Н. – Добровольская, М. В. Москва 2015, 261–282.

⁵⁵ Кузнецов 1971, 228–240; Кузнецов 1992, 317–320; Кузнецов 1993.

⁵⁶ Кузнецов 1992, 329–348.

- АФАНАСЬЕВ–КИСЛОВ–ЧЕРНЫШЕВ 2002: Афанасьев, Г. Е. – Кислов, А. В. – Чернышев, А. В.: К проблеме террасного земледелия на Северном Кавказе (новые методические подходы). *OPUS* 1–2 (2002) 66–79.
- АФАНАСЬЕВ–РУНИЧ 2001: Афанасьев, Г. Е. – Рунич, А. П.: *Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок*. Москва 2001.
- АФАНАСЬЕВ–САВЕНКО–КОРОБОВ 2004: Афанасьев, Г. Е. – Савенко, С. Н. – Коробов, Д. С.: *Древности Кисловодской котловины*. Москва 2004.
- БЕРЕЗИНА–ФРИЗЕН–КОРОБОВ 2014: Березина, Н. Я. – Фризен, С. Ю. – Коробов, Д. С.: Антропологические материалы из курганного могильника Левоподкумский 1 (Кисловодская котловина). *Вестник антропологии* 1/27 (2014) 170–178.
- БОРИСОВ–КОРОБОВ 2013: Борисов, А. В. – Коробов, Д. С.: *Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований*. Москва 2013.
- ГАБУЕВ–МАЛАШЕВ 2009: Габуев, Т. А. – Малашев, В. Ю.: *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа*. Москва 2009.
- ГОЛЬДШТЕЙН 1975: Гольдштейн, А. Ф.: *Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии*. Москва 1975.
- ГРИНИН 2006: Гринин, Л. Е.: Раннее государство и его аналоги. В: *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Ред.: Гринин, Л. Е. – Бондаренко, Д. М. – Крадин, Н. Н. – Коротаев А. В. Волгоград 2006, 85–163.
- ГРИНИН 2011: Гринин, Л. Е.: *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства: общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. Москва 2011.
- ДЖАНДИЕРИ–ЛЕЖАВА 1976: Джандиери, М. И. – Лежава, Г. И.: *Народная башенная архитектура*. Москва 1976.
- КАЗАНСКИЙ–МАСТЫКОВА 2001: Казанский, М. М. – Мастыкова, А. В.: Центры власти и торговые пути в Западной Алании V–VI вв. В: *Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки*. Ред.: Абрамова, М. П. – Марковин, В. И. Москва 2001, 138–161.
- КАЛДАНИ 1986: Калдани, А. М.: К вопросу о классификации башенной культуры Чечни. В: *Очерки этнографии горной Чечни*. Ред.: Робакидзе, Ал. Тбилиси 1986, 10–25.
- КАЛОЕВ 1971: Калоев, Б. А.: *Осетины (историко-этнографическое исследование)*. Москва 1971.
- КОВАЛЕВСКАЯ 1984: Ковалевская, В. Б.: *Кавказ и аланы. Века и народы*. Москва 1984.
- КОВАЛЕВСКАЯ 2005: Ковалевская, В. Б.: *Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.* Москва 2005.
- КОЛОДА–ГОРБАНЕНКО 2010: Колода, В. В. – Горбаненко, С. А.: *Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне*. Киев 2010.
- КОРОБОВ 2003: Коробов, Д. С.: *Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв.* Санкт-Петербург 2003.
- КОРОБОВ 2011: Коробов, Д. С.: *Основы геоинформатики в археологии: Учебное пособие*. Москва 2011.
- КОРОБОВ 2012 : Коробов, Д. С.: ГИС-моделирование пахотных угодий эпохи раннего средневековья у алан Кисловодской котловины. *Краткие сообщения Института археологии РАН* 226 (2012) 17–27.
- КОРОБОВ 2012а: Коробов, Д. С.: Раннесредневековые поселения в Зубчихинской балке близ Кисловодска. *Проблемы истории, филологии, культуры* 1/35 (2012) 188–215.
- КОРОБОВ 2013: Коробов, Д. С.: Компьютерное ГИС-моделирование ресурсных зон поселений по данным археологии и палеопочвоведения. В: *Виртуальная археология (неразрушающие методы исследований, моделирование, реконструкции)*. Материалы Первой Международной конференции, состоявшейся в Государственном Эрмитаже 4–6 июня 2012 г. Ред.: Гук, Д. Ю. Санкт-Петербург 2013, 59–70.

- КОРОБОВ 2013а: Коробов, Д. С.: Этапы заселения Кисловодской котловины по данным археологии. *Краткие сообщения Института археологии РАН* 228 (2013) 19–33.
- КОРОБОВ 2013б: Коробов, Д. С.: Уллу-Дорбунла – средневековое городище в верховьях Подкумка. В: *Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В. А. Кузнецова*. Ред.: Козенкова, В. И. Москва 2013, 114–139.
- КОРОБОВ 2017: Коробов, Д. С.: *Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины)*. Москва–Санкт-Петербург 2017.
- КОРОБОВ–БОРИСОВ 2012: Коробов, Д. С. – Борисов, А. В.: О земледелии алан Кисловодской котловины в I тыс. н.э. *Российская археология* 2012:3, 50–62.
- КРЕНКЕ 2011: Кренке, Н. А.: *Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.* Москва 2011.
- КРУПНОВ 1971: Крупнов, Е. И.: *Средневековая Ингушетия*. Москва 1971.
- КУЗНЕЦОВ 1962: Кузнецов, В. А.: *Аланские племена Северного Кавказа*. Москва 1962.
- КУЗНЕЦОВ 1971: Кузнецов, В. А.: *Алания в X–XIII вв.* Орджоникидзе 1971.
- КУЗНЕЦОВ 1992: Кузнецов, В. А.: *Очерки истории алан*. Владикавказ 1992.
- КУЗНЕЦОВ 1993: Кузнецов, В. А.: *Алано-осетинские этюды*. Владикавказ 1993.
- КУЗНЕЦОВ 1993а: Кузнецов, В. А.: *Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа*. Ставрополь 1993.
- МАКАРОВ–ЗАХАРОВ–БУЖИЛОВА 2001: Макаров, Н. А. – Захаров, С. Д. – Бужилова, А. П.: *Средневековое расселение на Белом озере*. Москва 2001.
- МАКАРОВ–ФЕДОРИНА–ШПОЛЯНСКИЙ 2013: Макаров, Н. А. – Федорина, А. Н. – Шполянский, С. В.: Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме. *Российская археология* 2013:4, 58–74.
- МАЛАШЕВ 2008: Малашев, В. Ю.: Хронология погребальных комплексов могильника Клин-Яр III сарматского времени. В: *Проблемы современной археологии: Сборник памяти В. А. Башилова*. Ред.: Мошкова, М. Г. Москва 2008, 265–283.
- МАЛАШЕВ 2014: Малашев, В. Ю.: Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II–IV вв. н. э. *Краткие сообщения Института археологии РАН* 234 (2014) 72–83.
- МАСТЫКОВА 2008: Мастыкова, А. В.: «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья. *Проблемы истории, филологии, культуры* 21 (2008) 149–159.
- МИНАЕВА 1960: Минаева, Т. М.: К истории земледелия на территории Ставрополя. В: *Материалы по изучению Ставропольского края* 10. Ставрополь 1960, 267–282.
- МУЖУХОЕВ 1977: Мужухоев, М. Б.: *Средневековая материальная культура горной Ингушетии*. Грозный 1977.
- РОБАКИДЗЕ 1968: Робакидзе, А. И.: Жилища и поселения горных ингушей. В: *Кавказский этнографический сборник* II. Ред.: Робакидзе, А. И. Тбилиси 1968, 41–117.
- РОБАКИДЗЕ–ГЕГЕЧКОРИ 1975: Робакидзе, А. И. – Гегечкори, Г. Г.: *Формы жилища и структура поселения горной Осетии*. Тбилиси 1975.
- РУНИЧ 1970: Рунич, А. П.: Катакомбы Рим-Горы. *Советская археология* 1970:2, 198–210.
- РУНИЧ–БЕРЕЗИН–САВЕНКО 1983: Рунич, А. П. – Березин, Я. Б. – Савенко, С. Н.: Комплекс памятников раннего средневековья в верховьях реки Подкумок. В: *Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии*. Ред.: Алексеева, Е. П. Черкесск 1983, 56–63.
- РУНИЧ–МИХАЙЛОВ 1976: Рунич, А. П. – Михайлов, Н. Н.: Городище Бургусант или Рим-Гора. В: *Материалы по изучению Ставропольского края* 14. Ставрополь 1976, 162–182.
- САВЕНКО 2017: Савенко, С. Н.: *Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н.э.* Пятигорск–Казань 2017.

- УМАРОВ 1969: Умаров, С. Ц.: О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья. В: *Археолого-этнографический сборник* III. Ред. Виноградов, В. Б. Грозный 1969, 160–182.
- ЦУКЕРМАН 2005: Цукерман, К.: Аланы и асы в раннем Средневековье. *Краткие сообщения Института археологии РАН* 218 (2005) 65–84.
- ARZHANTSEVA–DEOPIK–MALASHEV 2000: Arzhantseva, I. A. – Deopik, D. V. – Malashev, V. Y.: Zilgi – Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the boundary between Steppe and Hill Country. In: *Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age*. Eds.: Kazanski, M. – Soupault, V. Leiden–Boston–Köln 2000, 211–250.
- ASTON 1985: Aston, M.: *Interpreting the landscape. Landscape Archaeology and Local History*. London–New York 1985.
- DE BARROS DAMGAARD ET AL. 2018: de Barros Damgaard, P. – Marchi, N. – Rasmussen, S. – Peyrot, M. – Renaud, G. – Korneliusen, T. – Moreno-Mayar, J.-V. – Winther Pedersen, M. – Goldberg, A. – Usmanova, E. – Baimukhanov, N. – Loman, V. – Hedeager, L. – Gorm Pedersen, A. – Nielsen, K. – Afanasiev, G. – Akmatov, K. – Aldashev, A. – Alpaslan, A. – Baimbetov, G. – Bazaliiskii, V. I. – Beisenov, A. – Boldbaatar, B. – Boldgiv, B. – Dorzhu, C. – Ellingvag, S. – Erdenebaatar, D. – Dajani, R. – Dmitriev, E. – Evdokimov, V. – Frei, K. M. – Gromov, A. – Goryachev, A. – Hakonarson, H. – Hegay, T. – Khachatryan, Z. – Khaskhanov, R. – Kitov, E. – Kolbina, A. – Kubatbek, T. – Kukushkin, A. – Kukushkin, I. – Lau, N. – Margaryan, A. – Merkyte, I. – Mertz, I. V. – Mertz, V. K. – Mijiddorj, E. – Moiyesev, V. – Mukhtarova, G. – Nurmukhanbetov, B. – Orozbekova, Z. – Panyushkina, I. – Pieta, K. – Smrčka, V. – Shevnina, I. – Logvin, A. – Sjögren, K.–G. – Štolcová, T. – Tashbaeva, K. – Tkachev, A. – Tulegenov, T. – Voyakin, D. – Yepiskoposyan, L. – Undrakhbold, S. – Varfolomeev, V. – Weber, A. – Kradin, N. – Allentoft, M. E. – Orlando, L. – Nielsen, R. – Sikora, M. – Heyer, E. – Kristiansen, K. – Willerslev, E.: 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes. *Nature* 557 (2018) 369–374
- BRADLEY 1978: Bradley, R.: Prehistoric Field Systems in Britain and North-West Europe – A Review of Some Recent Work. *World Archaeology* 9:3 (1978) 265–280. <https://doi.org/10.1080/00438243.1973.9979703>
- CURWEN 1946: Curwen, E. C.: *Plough and Pasture*. London 1946.
- DAVID–THOMAS 2008: David, B. – Thomas, J.: Landscape Archaeology: Introduction. In: *Handbook of Landscape Archaeology*. Eds.: David, B. – Thomas, J. Walnut Creek 2008, 27–43.
- DAVIES 2005: Davies, W.: States and non-states in the Celtic world. In: *Der frühmittelalterliche Staat – europäische Perspektiven*. Hrsg.: Pohl, W. – Wieser, V. Wien 2009, 155–170.
- FOWLER 1983: Fowler, P. J.: *The Farming of Prehistoric Britain*. Cambridge 1983.
- FOWLER 2002: Fowler, P.: *Farming in the First Millenium AD*. Cambridge 2002.
- FOWLER–EVANS 1967: Fowler, P. J. – Evans, J. G.: Plough-marks, Lynchets and Early Fields. *Antiquity* 41/164 (1967) 289–301. <https://doi.org/10.1017/S0003598X00033524>
- FRIES 1995: Fries, J. C.: *Vor- und frühgeschichtliche Agrartechnik auf den Britischen Inseln und dem Kontinent. Eine vergleichende Studie*. Espelkamp 1995.
- HAMEROW 2002: Hamerow, H.: *Early Medieval Settlements: The Archaeology of Rural Communities in Northwest Europe, 400–900*. Oxford 2002. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199246977.001.0001>
- HÄRKE–BELINSKIJ 2012: Härke, H. – Belinskij, A.: The “elite plot” in the cemetery of Klin-Yar (Russia). The emergence of a hereditary elite in the Early Alanic North Caucasus? In: *Chronica. Annual of the Institute of History University of Szeged* 12. Szeged 2012, 133–142.
- HEDEAGER 1992: Hedeager, L.: *Iron-Age Societies. From Tribe to State in Northern Europe, 500 BC to 700 AD*. Oxford 1992.
- KOROBOV 2012: Korobov, D.: Early Medieval Settlement in Southern Russia: Changing Directions. *Medieval Archaeology* 56 (2012) 34–59. <https://doi.org/10.1179/0076609712Z.0000000002>

- KOROBOV 2012a: Korobov, D.: The Investigation of the Early Medieval System of Signalisation in the Kislovodsk Basin (South of Russia) with Help of GIS. In: *On the Road to Reconstructing the Past. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA). Proceedings of the 36th International Conference*. Budapest, April 2–6, 2008. Eds.: Jerem, E. – Redő, F. – Szeverényi, V. Budapest 2012, 339–347. (CD-ROM).
- KOROBOV–BORISOV 2013: Korobov, D. S. – Borisov, A. V.: The origins of terraced field agriculture in the Caucasus: new discoveries in the Kislovodsk basin. *Antiquity* 87/338 (2013) 1086–1103. <https://doi.org/10.1017/S0003598X00049887>
- MÜLLER-WILLE 1979: Müller-Wille, M.: Flursysteme der Bronze- und Eisenzeit in der Nordseegebieten. Zum Stand der Forschung über „celtic fields“. In: *Untersuchungen zur eisenzeitlichen und frühmittelalterlichen Flur in Mitteleuropa und ihrer Nutzung* 1. Hrsg.: Beck, H. – Denecke, D. – Jankuhn, H. Göttingen 1979, 196–239.
- ONE LAND 2001: *One Land, Many Landscapes. Papers from a session held at the European Association of Archaeologists: Fifth Annual Meeting in Bournemouth, 1999*. Eds.: Darvill, T. – Gojda, M. Oxford 2001.
- RAISTRICK–CHAPMAN 1929: Raistrick, A. – Chapman, S. E.: The Lynchet Groups of Upper Wharfedale, Yorkshire. *Antiquity* 3/10 (1929) 165–181. <https://doi.org/10.1017/S0003598X00003239>
- REINHOLD–KOROBOV 2007: Reinhold, S. – Korobov, D. S.: The Kislovodsk basin in the North Caucasian piedmonts – archaeology and GIS studies in a mountain cultural landscape. *Preistoria Alpina* 42 (2007) 183–207.
- ROBERTS 1996: Roberts, B. K.: *Landscapes of Settlement. Prehistory to the present*. London–New York 1996.
- SIEGMUND 1998: Siegmund, F.: Social structure and relations. In: *Franks and Alamanni in the Merovingian Period. An ethnographic perspectives*. Ed.: Wood, I. San Marino 1998, 177–199.
- STEUER 2001: Steuer, H.: Landschaftsarchäologie. In: *Reallexikon der germanischen Altertumskunde* 17 (2001) 630–634.
- TAYLOR 1966: Taylor, C. C.: Strip lynchets. *Antiquity* 40/160 (1966) 277–284. <https://doi.org/10.1017/S0003598X00032749>
- THACKER 2005: Thacker, A.: England in the seventh century. In: *The New Cambridge Medieval History*. Vol. 1, c. 500 – c. 700. Ed.: Fouracre, P. Cambridge 2005, 462–495. <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521362917.019>
- WHITTINGTON 1962: Whittington, G.: The Distribution of Strip Lynchets. In: *Transactions and Papers (Institute of British Geographers)* 31 (1962) 115–130. <https://doi.org/10.2307/621090>
- WICKHAM 2005: Wickham, C.: *Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean 400–800*. Oxford 2005. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199264490.001.0001>
- ZUCKERMAN 2000: Zuckerman, C.: À propos du Livre des cérémonies, II, 48. *Travaux et Mémoires* 13 (2000) 531–594.